

Людмила БАЙКАЛОВА (аул Агуй-Шапсуг, Туапсинский р-он, Краснодарский край)

ПОРА ВОЗВРАЩАТЬСЯ

Города совсем не похожи на людей. Человек сначала быстро тянется вверх, в старости — наоборот, а город постоянно разрастается ввысь и вширь. Человек взрослеет, потом дряхлеет, а город обновляется, молодеет, постоянно полнится детскими голосами. Человеческий миг на земле короток, а город живет и живет в веках. Человек может уехать за тридевять земель, в любую точку мира, а город стоит, навсегда прикованный к первому камню, заложенному на месте его основания.

Так думала Нина Валерьевна Волкова, в девичестве Нюсенька Штык, вернувшись спустя много лет в город своего детства. Сойдя с поезда, она не села в городской автобус, отказалась от приглашений услужливых таксистов, а решила пройти пешком по центральной улице. Увесистый чемодан с гостинцами мягко пружинил колесиками на стыках тротуарной плитки, невысокие каблучки туфель рады были ощущать земную твердь после пляшущего вагонного пола. Глаз радовался набравшей силу весне, чистой и яркой зелени мощных платанов, обрамлявших главную улицу города. Она узнавала этот город и не узнавала. Дома, вроде бы, те, да только стали как-то ниже. Деревья те же, да только побряхтывают по-стариковски. Улица та же, да только, вроде бы, стала совсем узкой и тесной.

За годы разлуки все здесь изменилось. Фасады старых домов послевоенной постройки сияли свежей краской. Тротуары, выложенные узорчатой плиткой, тщательно подметены. Клумбы цветисты, а кустарниковая бирючина острижена под линейку.

Первые этажи домов, которые раньше тускнели пыльными окнами коммунальных квартир, теперь стали стройным рядом заманчивых витрин всевозможных магазинов, празднично пестрящих броской рекламой. Маленький провинциальный городишко превратился в оплот какой-никакой цивилизации радующий глаз.

Прогулка с чемоданом быстро утомила Нину, уж годы были не те, что раньше, когда, возвращаясь с танцев, за полчаса можно было преодолеть пешком полгорода ночными улицами. Миновав центральную площадь, она все-таки взяла такси, чтобы добраться в микрорайон новостроек, где жили в новой квартире ее названные родственники.

Когда-то это была самая окраина, пригород, где на цветущих кусочках земли в шесть соток ютились крошечные дачные сарайчики. Теперь здесь соперничали своей вычурностью огромные особняки и теснились густонаселенные девятиэтажки. Старое малосемейное общежитие, в котором Нина с мамой прожила много лет, сиротливо жалось к больничному забору и казалось заброшенным нищенским баракком. Она, проезжая мимо, проводила его грустным взглядом.

Нина поднялась лифтом на шестой этаж и не без волнения позвонила в незнакомую дверь, тут же и распахнувшуюся.

— Ой! Кто к нам приехал! Нюська!

— Люська!

Сводные сестры тепло обнялись, постояли несколько секунд, привыкая к изменениям, произошедшим с ними за пробежавшие годы разлуки. Людмила сильно раздобрела, в неокрашенных корнях волос густо серебрилась седина, а от уголков глаз разбежались к вискам глубокие морщинки. Нина, которая всегда была худенькой тростинкой, тоже обзавелась лишними килограммами на боках, округлившимися щеками, но выглядела немного моложавей сестры-ровесницы, потому что пришедшая полнота морщинки на лице слегка разгладила. Не скрыть было, что возраст женщин неумолимо приближался к золотому юбилею.

Тетя Лида, Люсина мама, грузная старушка, с трудом поднялась из кресла и прошаркала больными ногами навстречу гостье, обняла, погладила по коротко стриженной голове, как бывало в детстве:

— Слава богу, приехала. Анатолий помирал, все звал свою Ниношку, все звал. Хорошо, что приехала, проводим его душу на сороковой день вместе, как полагается.

— Да, не смогла я на похороны приехать, бедный папочка, мне так его жалко, — всплакнула Нина. — Горемыка он наш неприкаянный.

— Да уж, неприкаянный, — вздохнула Люся. — Пока вино в горлышко лилось, бродяжничал, а помирать домой вернулся. — И непонятно стало, осуждает его родная дочь или жалеет. — Но, слава богу, душу отдал достойно, среди семьи, а не под забором сгинул. Даже успел перед смертью стеллаж для банок на лоджии смастерить, стенные шкафы в прихожей обустроил. Добрую память оставил.

— Да, руки у него всегда были золотые. У меня до сих пор стоит этажерка, которую папочка для моих книг сделал когда-то. И вообще, вы ведь знаете, как я его всегда любила, больше родного отца. Он навсегда остался светлым воспоминанием из моего детства.

Новая квартира Черемисиныных, полученная вместо снесенного ветхого дома, понравилась. Три просторные комнаты, две большие лоджии, вместительная кухня, прихожая — хоть танцы устраивай. Но с недовольством Людмилы нельзя было не согласиться. За обедом сестра все сокрушалась:

— Не те времена настали, Нюся. Сколько лет дом держали в очереди на снос! Строиться и пристраивать не разрешали, вкладывать деньги в капремонт тоже бессмысленно было. Вот и оценили соответственно так, что даром — и то дороже будет. При прежней власти мы по сносу «ого-го!» получили бы жилья! А теперь не знаем, как всем расселиться в двух квартирах. В соседнем подъезде дали еще полуторку на девятом этаже, правда, пришлось доплачивать. Туда старшего сына, Костю, с семьей

поселили, у них мальчонка растет, внук Максимка, четвертый годик ему. Да только отец из нашего сыночка — непутевый. Весь в деда пошел, не дурак горлышко промочить. Тридцать лет мужику скоро, а ума как не было, так и нет. Все остальные здесь обитают. Алеша, правда, с нами не живет третий год, служит по контракту в Абхазии. Решил таким способом жилье себе заработать. Оно, конечно, не лишнее, мальчишке тоже пора семьей обзаводиться, да только я ночи не сплю, живу в постоянном страхе за него. Так и размещаемся в этих хоромах: комната для мамы, комната с лоджией для Оли и Ани, комната для нас с Черемисиным.

— Надо было самой думать, когда четырех детей плодила! Никто тебе теперь не виноват, что ума им дать не можешь, — возразила тетя Лида. — Ни выучить толком, ни углом наделить, ни мозги вставить. Ты же сама всю жизнь упертая, никого не слышишь и не видишь. Когда мать говорила «остановись, не рожай третьего ребенка, не потянешь», так ты же глаза выпучила, дочку тебе подавай! Вот и дал бог сразу двух! Попробуй им теперь приданого набратся! Они сами-то высоко не метят, повариха да официантка! Все, что зарабатывают, тратят на тряпки и пузырьки с кремами-красками. Скоро шкафы лопнут от их безделушек. А матери на хозяйство дать денег — у обеих ума не достает. Володенька, зятек мой разнесчастный, круглыми сутками баранку крутит, по России колесит, чтобы прорву эту обеспечить.

— Мама, зачем ты так? Эта «прорва», между прочим, его собственные дети, он тоже одно место приложил к их появлению на свет! Конечно, мы с Вовкой ума четверым вставить не можем, а ты мне одной большого ума вставила. Я могла бы прекрасный вуз окончить, как Ниношка, в инженеры пойти, хорошо зарабатывать. Это тебе же надо было династию продолжить! Представляешь, Нина, за сорок лет работы в библиотеке маме родина целых две тысячи пенсии отвалила. А у меня сейчас оклад три двести и какую пенсию заработаю, не известно! Зато династия! Раз в году Почетные грамоты получаем, складывать некуда! В квартиру въезжали — в голые стены! Можно было бы на обои не тратиться, грамотами все укатать!

— Да ладно ссориться вам, — шутливо встряла Нина. — Детям теперь головы не открутить, чтоб поголовье уменьшить. Ничего, вырастут, встанут на ноги. Девочки, наверное, настоящие красавицы!

Людмила сбегала в комнату и вернулась, держа в руках фотоальбом. Она с гордостью вручила его сводной сестре и принялась комментировать снимки.

— Эти красавицы — большие авантюристки! — любовно воскликнула Люся. — Они пользуются своим полным сходством и морочат парням головы подменами, а потом разоблачаются и хохочут над одураченными кавалерами.

— Все мы про себя, да про себя, — всплеснула руками тетя Лида, первая и последняя верная папочкина жена. — Как вы живете-можете, Ниночка, как мамино здоровье? Поправляется Надя после операции? Как сын, муж как? Довольна ли ты своей жизнью? Ох, как вспомню твои протесты по поводу парней! Думала, что никогда уж не выдадим тебя замуж.

— Да, тетя Лида, если бы вы тогда не сосватали меня за Василия, не было бы у меня сейчас ни прекрасного мужа, ни сына, которым горжусь, ни квартиры в Питере, ни работы такой интересной. И с родней вашей дальней мне повезло, я попала в хорошую, крепкую семью. Мама, конечно, уже не прежняя веселушка-хохотушка. Прооперировали ее удачно, но, сами понимаете, с одной почкой какая жизнь! Тоже очень поправилась, давление скачет, сердце барахлит, отеки мучают, но духом не падает, внука обожает, зятя боготворит. С пенсии подарить зятю бутылочку коньячку — святое дело для мамочки.

— Да разве Васька пьющий? Не обижает ли, не безобразничает? — всполошилась тетя Лида.

— Да какой он пьющий? Так, иногда, по выходным рюмочку пропустит за обедом. Нет, Васенька мой любит жить трезвой головой. Защитил в прошлом году докторскую диссертацию, получил звание профессора, руководит факультетом океанологии в университете. А Сева окончил школу с серебряной медалью, сейчас учится в морской академии, второй курс заканчивает. Ну, а я четвертый год заведу экспертной лабораторией в областном отделении торгово-промышленной палаты. Все у нас хорошо.

Людмила перемыла посуду и вернулась к разговору за столом:

— Вот видишь, сколько перемен произошло, а мы ничего друг о друге не знали. Пока тетя Надя здесь жила, ты и приезжала чаще, и письмами нет-нет обменивались, а теперь столько лет не общаемся. Не чужие ведь, папочка у нас один на двоих был, папочка нас сроднил, соединил...

— Конечно, папочка ваш дорогой! — с укором покачала головой тетя Лида. — То, что вы сроднились и ссестрились, не папочкина заслуга, а наша с Надей. Не стали мы с ней делить мужика и склянки бить друг перед дружкой, когда он к ней от меня ушел. Тут девочка осталась, там такая же росла, а баба есть баба, ей любви и счастья хочется. Надька всегда ершистая была, я знала, что рано или поздно выставит она этого забулдыгу, что вернется Толик ко мне. Так ведь и случилось. Заодно и вы выросли в дружбе и согласии. А вцепиться из-за мужика друг другу в патлы — большого ума не надо. Зачем, когда все можно решить мирным путем. Так что это мы, ваши мамочки, сроднили вас, дочек.

И от этих мудрых слов сразу тепло стало на сердце. Такое незатейливое чувство женской солидарности всколыхнуло душу, и Нина, не сдерживаясь, в нежном порыве благодарно обняла тетю Лиду и названую сестру. И снова стало беззаботно, как в детстве, когда они с Люськой валялись в саду на старом ватном одеяле, брошенном прямо на траву, и трескали незрелые яблоки, сорванные украдкой с соседского дерева.

Детство... Оно так далеко, но так близко яркими картинами событий, впечатанных в уголки памяти... Безоблачная синь небесная... Ни колыхания ветерка, ни лишних звуков, кроме перезвона птичьего — ничто не тревожит летний полдень. Узкая полоска цветочной клумбы источает горьковатый аромат желтоголовых цветов. Деревянная скамейка, окрашенная темно-синей краской, под сенью нависших над ней тонких ветвей дерева, усыпанных узкими серебристыми листиками и духмяными сережками. Это маслина. Скоро, совсем скоро на месте сережек будут топорщиться маленькие плотные, зеленые ягодки, которые нельзя кушать. Так сказала мама. Но она не знает, какие они, эти ягодки: удивительные, совсем непохожие, ни на малинку, ни на смородинку. Они на вкус никакие: ни сладкие, ни горькие, а просто вяжущие язычок суровой пленкой. Но все равно, нельзя их есть — сказала мама!

Нельзя, так нельзя! А девочка, совсем еще маленькая девочка, почему-то помнит этот терпкий вкус. Значит, когда-то она их уже попробовала.

Мама хлопчет у печки на кухне. А Нюся плещется в оцинкованном корытце, наполненном водой, прогретой солнечными лучами. Девочка, маленькая девочка, принимает такие полезные воздушные и солнечные ванны, водные процедуры! Окно кухни — прямо над головой.

Мама напевает песенку про ландыши. Один глаз — на сковороду с оладушками, другой глаз — на дочку в корытце, хорошенькую, голенькую девочку двух с половиной лет. По улице, вздымая пыль, промчалась ватага мальчишек, подгоняя деревянных палочных лошадок залихватскими покриками «Оп! Оп! Но! Но!»

— Мальчики! Смотрите! Я купаюсь! Я купаюсь! — закричала им вслед маленькая Нюся.

Мама управилась с обедом и исчезла с кухни. Наверное, включила телевизор. Разве вы не знаете, что такое телевизор? Мне всего два года, а я уже знаю, что такое телевизор!

Телевизор — это то, что есть всегда! Маленькая Нюся еще не знает, что телевизор — редкая диковинка в домах. Но она догадывается, что мама смотрит «новости» и ее сейчас не видит, значит можно выбраться из корытца, перелезть через высокий бордюр палисадника и сорвать с куста кисточку

зеленой, но такой заманчивой смородины. Но когда кисленькие ягодки оказываются уже во рту, бдительная мама выскакивает на крыльцо, врывается в палисадник, ругает девочку и больно шлепает ее по голой попке.

— Выплюнь, выплюнь сейчас же, негодница, — кричит мама. — Вот придет сейчас отец, он тебе задаст за непослушание!

Нюся для приличия немного плачет, пока мама надевает на нее желтый песочник, ситцевые трусики с оборкой в виде короткой юбочки и с закрытой грудкой на широких бретельках, и обувает ножки в сандалики.

— Посиди на скамеечке, сейчас придет папа со службы, будем кушать, — строго наказывает мама и уходит смотреть телевизор.

Рядом примостился пушистый кот Димка: полосатое брюшко, дымчатая спинка. Девочка сгребла покорного дружка в охапку, слезла со скамейки и подошла к калитке. Там за огромным полем, заросшим какими-то белыми зонтиками выше Нюсиного роста, — каменистый забор «части», где служит отец. Нюся всегда ждет, когда он покажется из-за ворот и направится

к дому по протоптанной в поле тропинке. Если папа шел ровно, Нюся выскакивала из калитки, бежала навстречу. Стебли белых зонтиков были жесткими, чтобы собрать маленький букет, приходилось острыми молочными зубками перегрызать горькие, резко пахнущие стебли. Отец подхватывал дочку на руки, и они вдвоем возвращались домой. Если папа шел по тропинке шатаясь, Нюсенька бежала в дом и пряталась в уголок за кроватью. Мама сразу начинала ругаться, кричать про какой-то «спирт», обзывать отца каким-то «алкашом», а он срывал с головы форменную фуражку с козырьком и бил ею маму по лицу. Мама пыталась защищаться, кричала на него, и завязывалась потасовка, в которой мама проигрывала. Потом она, зареванная, умывалась, а стихший отец требовал борща, ел, оставляя рыжие лужицы и крошки хлеба на белоснежной скатерти, и валился на диван спать. Мама хватала в охапку дочку, бежала к соседке Зое, которая кормила Нюсю куриным супом, укладывала спать рядом со своей дочкой Наткой на диван «валетиком». И, засыпая, маленькая девочка слышала мамин плаксивый голос, изливающий на тетю Зою одну и ту же историю про «свекруху, которая со свету сживает», в честь которой девочку назвали ненавистным именем «Нина», про «терпение, которое вот-вот лопнет». Много позже, повзрослев, Нина поняла, что мамино терпение было железным, потому что деваться ей, сироте, было некуда.

Выдалась зима очень снежная. Дорожка от воинской части к военному городку была протоптана через поле среди сугробов. Завидев знакомую фигуру в ладно подогнанной шинели с тремя горящими на погонах звездочками, Нюсенька бросила санки и побежала встречать отца. Он подхватил девочку на руки, сделал несколько неуверенных и шагов, и случилось страшное. Старший лейтенант рухнул во весь рост на землю прямо с ребенком на руках. Испугавшись, девочка истошно закричала. К счастью, она не расшиблась. И глубокий сугроб, и пушистая кроличья шубка с капюшоном поверх вязаной шапочки удар смягчили. А выскочившая на снег в комнатных тапках мама кричала еще истошней.

Потом пошли разговоры, что отца выгнали «из рядов за пьянку». Вещи упаковывались в огромные чемоданы и ящики, сколоченные из толстой фанеры, мебель упрятывалась в большущее чудище под названием «контейнер». Через сутки путешествия на поезде маленькая Нюся проснулась утром в тесной квартирке, где хозяйничала неприветливая с внучкой бабушка Нина. Ребенком Нюся смутно помнила долгие скандалы между взрослыми, но потом вдруг они оказались с мамой на самой окраине города, в маленькой времянке с коптящей печью, но уже одни, без отца и без бабушки. Хозяева оказались добрыми людьми. Их имена были странными: тетя Кнарлик и дядя Самвел. На вопрос —

«почему так зовут», тетя рассмеялась и ответила еще более загадочно, что они «армяне». Какие

такие «гермяни» девочка не понимала, а просто решила, что это какие-то родственники.

Когда мама допоздна работала на заводе или уходила в ночную смену, тетя забирала Нюсю из садика, кормила, укладывала спать и приглядывала, чтобы, заигравшись, ее сыновья, Андроник и Рубен, не обижали девочку.

Мамочка перестала кричать, плакать и шлепать по пустякам дочку. Она все время смеялась, шутила, пела за стиркой и стиркой, стала шить и вязать себе модные наряды, учить Нюсенку рукоделию и хозяйству. Когда Нина Штык ходила в первый класс, однажды в их домике появился дядя Толя с букетом цветов, пузырьком духов для мамы и большой шоколадкой для девочки.

— Теперь я буду твоим папой, — сказал дядя.

Вскоре они с мамой переехали к новому папе в общежитие, где у него была отдельная комната. Нюся привязалась к папе Толе и незаметно для себя все чаще стала звать его просто «папочка». Каждое воскресенье папочка вел ее в парк на карусели, но прежде они заходили в его «бывшую семью», забирали Люсю, родную дочь, рядом с которой выходной день пролетал весело и незаметно. Девочки крепко сдружились и стали на людях зваться сестрами.

Папочка работал на стройке, а в свободное время столярничал и плотничал для людей на заказ. Отбоя от клиентов не было, на его золотые руки всегда был спрос. И все было бы хорошо, но в один прекрасный день выяснилось, что короткий период борьбы за трезвый образ жизни у папочки закончился, и он запил. Правда ссор и драк в доме не было, пьяненький папочка был балагуром с гармошкой в руках. Но все до поры до

времени. Пил он все чаще и больше, а гармонь и инструменты держал в руках все реже. Но любить и баловать «Ниношку», как звал он приемную дочь, не забывал, как, впрочем, не обделял заботой и дочь родную. Ниношка и Люсюшка были его безграничным счастьем и гордостью.

Наконец маме от завода дали малосемейку — отдельную квартирку с жилой комнатой в четырнадцать квадратных метров. Она быстро оформила развод и переехала с дочерью, уже студенткой первого курса технологического института, в отдельное жилье. Папочка не оставил их без своего участия, и благодаря его умелым рукам узкий балкончик превратился в кухню, а освободившееся помещение — в отдельную комнату для дочки, где помещались только кресло-кровать, этажерка для учебников да раскладной столик.

Много лет его жены, Лида и Надя, были волей судьбы знакомы, не раз приходилось выручать загулявшего Толика и друг друга заодно. Но серьезно поговорили по душам только после этого развода и решили, что Лида заберет непутевого мужа обратно, в свою семью, чтобы не пропал совсем человек.

Утром Нина, Люда и вернувшийся из поездки Володя съездили на городское кладбище, поправили могилку папочки, поставили свежие цветы, Поминки собрали небольшие, кроме семьи пришло несколько человек, с благодарностью помнивших Анатолия. Нина переживала чувство вины, что долгие годы сторонилась человека, ставшего родным, подарившего столько добра и любви ей в детстве, что хоть сколько-нибудь не позаботилась о его старости. Ей можно было оправдаться тревогой за здоровье мамочки, на которое потрачено много времени, душевных сил и немалые деньги, что долг перед матерью всегда стоял на первом месте. Но то, что он звал перед смертью свою Ниношку, а ее не было рядом, неприятно скребло внутри.

Люсины дочки и невестка взялись за уборку после ухода гостей, а сводные сестры решили пройтись по улице, подышать вечерним воздухом. Солнце уже скрылось за косогором, но сумерки еще не наступили. В тесных дворах многоэтажек бегали ребятишки, возле дверей компьютерного клуба развязно общалась группа подростков. Прошла мимо шумная стайка девчонок, лузгающих семечки. Нина остановилась против глухого кирпичного забора, из-за которого выглядывала высокая мансарда крутого

особняка. Она недоуменно покачала головой:

— Сколько же надо украсть, чтобы отгрохать такой домино?

— Да, этот дядечка большой начальник на железной дороге. Я думаю, он ворует целыми вагонами, если не составами. А помнишь, тут была дача дяди Сергея Чупрунца?

— Конечно, помню. И мы, как стемнеет, лазали к нему через забор тырить черешню и груши, как будто в вашем саду не такие были.

— Ну да, лазали, пока он не подкараулил и не отхлестал нас крапивой по голым местам!
— засмеялась Люся.

— А у бабки Бубенчихи по соседству яйца из курятника таскали, тепленькие, сладенькие! Ох, и дурочки же были!

Некоторое время шли рука об руку молча, наслаждаясь прозрачным запахом молодой зелени, немногочисленностью городской окраины, криком стрижей, обживающих летние жилища. Несколько раз Людмила останавливалась поздороваться и перекинуться словом со знакомыми. Нина терпеливо ждала ее, оглядывая поросшие лесом холмы, обступившие со всех сторон городские постройки, и пыталась отыскать на их склонах следы ушедшей детской поры. Вон там были солнечные поляны, где девчонки со всей округи собирались на пикники и кукольные посиделки летом. Теперь же на их месте громоздятся роскошные коттеджи. А по той просеке, где сейчас змеится желтая труба газопровода, в редкие зимние снегопады катались с горки на санях. Женщины дошли до конца улицы, завершившейся новыми стройплощадками с возвышающимися стрелами подъемных кранов, нагромождениями бетонных плит и панелей, совершили круг в обход новой котельной, высоченная труба которой мирно попыхивала белесым дымком, медленно пустились в обратный путь.

— Знаешь, Люсенька, посмотрела я сегодня на все ваше большое хлопотное семейство и

просто порадовалась за папочку. Благодаря вам с мамой он дожил свои дни достойно, среди родных людей, оставил добрый след на земле. Ты — очень хорошая дочь, в отличие от меня. Мне не довелось отдать дочерний долг папочке.

Людмила тронула сестру за плечо:

— А почему бы тебе не помириться с родным отцом, с Валерием Николаевичем? Ты не думала об этом? Мы ведь давно не молоденькие, не неопытные подростки, какая жизнь за плечами! Может быть, ему плохо, нужна твоя поддержка, а ты ничего и не знаешь, — осторожно намекала Люся, пытаясь коснуться темы, сестрой давно закрытой, но та явно не хотела поддерживать разговор.

— То, что я должна знать об отце, я знаю и большего знать не хочу. Я знаю, что он — подлец по отношению к маме, он загубил ей жизнь. Я знаю, что по отношению ко мне он — предатель. Он отказался от дочери, а потом и обобрал ее. А воспитывал и поддерживал меня папочка. Вот это я знаю. Почему, живя с моей мамой, Валерий Николаевич пил и бил, не дорожил семьей? Почему, женившись на Татьяне, он пить бросил, усыновил ее детей и поставил их на ноги, не выплачивая на меня алименты, а затем и отсудив у меня законное наследство?

— Но ты сама проявила гордыню и отказалась от своей половины в его пользу. Ты могла и не делать этого великодушного жеста, его никто не оценил, — возразила Людмила.

— Да, возможно. Но откуда было в восемнадцать лет набраться столько ума, чтобы довести тот дележ до победного конца. Во мне кипело одно лишь негодование. Я видеть не хотела этого Валерия Николаевича! Я так и сказала ему, что пройду как мимо пустого места, если невзначай встречу на улице, даже если милостыню просить будет!

Нина прекрасно понимала, что сила того юношеского приговора ослабла, но детские обиды еще прочно сидели в сердце и не отпускали.

— Да, с высоты своих лет я теперь многое понимаю, на все вопросы могу дать сама себе исчерпывающие ответы. Я понимаю, что отношения складываются между мужчиной и женщиной лишь в том случае, если они одного поля ягоды. Один и тот же мужчина с разными женщинами бывает разным, тем же и женщины им платят. Да, с мамой не мог, с Татьяной получилось. Но какой ценой?

Я узнала правду от мамы только в тридцать лет, когда Всеволода родила. Отец отбил маму у своего дружка на спор, быстренько заделал ей ребенка, сводил в ЗАГС. Ей пришлось бросить пединститут, уехать с ним в гарнизон. Но случился выкидыш, она не доносила мальчика, а потом долго не могла забеременеть. А бабушка Нина все пыталась отцу сосватать какую-то соседскую девушку Татьяну, требовала развестись, подозревала, что мама симулирует больные почки и попросту не хочет рожать от него. Мама, чтобы доказать обратное, рискуя здоровьем и жизнью, родила меня. Но ничего не изменилось. А когда родители все-таки развелись, та самая Татьяна тоже уже была в разводе, да с двумя детьми в придачу. И снова бабушке не угодил сын невесткой, теперь она начала враждовать с Татьяной, а Надю хвалить. Вот тогда отец ей назло усыновил чужих детей, а маму обманным путем, обещая после бабушкиной смерти отдать ее квартиру мне, уговорил отказаться от алиментов. И моя мамочка — хрупкая, болезненная, пошла на завод «гайки крутить», чтобы вырастить меня! А потом эта история с завещанием! Бабка Нина перед смертью раскаялась, сама завещала все свое имущество мне, единственной внучке. А отец, подкупив правосудие, судился со своей единственной родной дочерью! Ты ведь отлично знаешь, чем это кончилось, как мы с мамой ютились по углам долгие годы. И сейчас я должна прийти к Валерию Николаевичу и позаботиться о его старости? Я должна простить его, несмотря на то, что сам-то он о покаянии и не помышляет!

— Откуда ты знаешь, о чем он помышляет? Он ведь больше года с постели не поднимается, паралич разбил его. Как похоронил Татьяну, свалился от горя, так и не оправился. Сыновьям он не нужен, невесткам и подавно. Бросили его одного в старой бабушкиной квартире, разбежались, навещают редко. Иногда соседи помогают да соцработники ходят. Никто за ним не ухаживает толком, к собакам люди лучше относятся. Ты прости, но мы с Володиной иногда бываем там, гостинцы приносим, купаем, убираемся в квартире. Сходи к нему, он очень тебя ждет. Мне кажется, вам пора вернуться друг к другу. Неизвестно, сколько он еще протянет. Пусть бог его судит и наказывает, если есть за что, а ты прости, облегчи ему душу перед кончиной.

Да и свою душу тоже отпусти от греха.

Этот разговор больно разбередил сердце. Несколько дней Нина боролась с собой, пытаясь утихомирить щемящую дрожь в груди. Словно натянутая струна металлической вибрацией звучала внутри. Час отъезда приближался, и медлить больше нельзя. Надо было либо решиться на ответственный шаг, либо отречься до конца.

День выдался каким-то стеклянным. Небо заволокло густой сероватой дымкой. Воздух пропитался плотной влагой оседающего тумана. Очертания улиц казались неясными, будто взираешь на них через матовое стекло. Руки ломило от нагруженных сумок. Ослабевшие от волнения, словно набитые ватой, ноги с трудом преодолевали ступеньку за ступенькой, ведущие на второй этаж неказистого серого строения. И подъезд был неухожен, мрачен, словно люди здесь не жили, а доживали кое-как, и им все равно в каком доме и как доживать. Нина открыла дверь ключом, доверенным Люсей.

В нос ударил смрад залежалой нечистоты, немощи и обреченности. Она поставила сумки на пол, приоткрыла занавеску, закрывающую вход в комнату из тесного коридора. На старой бабушкиной кровати с потускневшими никелированными шариками на спинках лежал худой старик с головой, обритой наголо, с землистым лицом, заросшим редкой седой щетиной. Мутные глаза его были широко открыты. Узнал ее сразу. «Дочка? Это ты?» — спросили эти глаза и сухо зарыдали. Нина не смогла удержать слезы, и они вырвались наружу так бурно, что платок, прижатый к лицу, моментально набух от влаги, и несколько крупных капель оросили воротничок кофточки.

Следуя советам и наставлениям Люси, борясь с подступившей тошнотой, Нина произвела все гигиенические процедуры, сделала влажную уборку в квартире, наварила легкого супчика на крутом курином бульоне, пропарила тефтели и накормила отца. И долго еще сидела на облезлой, рассохшейся табуретке подле отцовского ложа.

Его глаза все время продолжали бесслезно плакать, и этот надломленный взгляд оказался самым серьезным потрясением в ее жизни. Валерий Николаевич все пытался что-то сказать дочери. Язык его не слушался, но сквозь тонкое дребезжание слабого голоса слышалась бесконечная мольба «прости». Нина держала в ладонях тощую, костистую руку отца и чувствовала, как с каждым его вздохом душу ее покидают детские обиды. Как хорошо становится на сердце, которое освобождается от прочной скорлупы юношеской ненависти, вынашиваемой многие годы.

— Я уезжаю завтра, отец. У меня билет на поезд. Но я обязательно вернусь, обязательно. Ты жди меня, пожалуйста. Все будет хорошо, вот увидишь, — только и вымолвила на прощание Нина.

Отец, ослабев внезапно, тихо уснул. На его худых скулах, показалось, заиграл легкий румянец. Вроде бы как лицо его даже разгладилось, помолодело. В его заостренных чертах проступили следы былой мужской красоты и силы. Как же вовремя она к нему вернулась, принесла счастье, обогрела любовью, пусть запоздалой.

Она отказалась от долгих проводов, собрала вещи, попрощалась с Люсей, тетей Лидой и уехала на вокзал. Нина сдала чемодан в камеру хранения, решив до поезда пройти еще раз по городу. Не зная как, ноги сами понесли ее к Храму, сияющему куполом над Церковной Горкой. Из какого-то проулка вышла немолодая женщина в серой кофте, с темным платком на голове, повязанным просто, без затей, узлом на затылке. Женщина пошла рядом, заговорив о каких-то житейских пустяках. Нина не слушала, но чтобы не выглядеть совсем уж неучливой, слабо улыбалась и согласно кивала головой в ответ.

— А ты далёко идешь? — спросила женщина.

— Просто гуляю, у меня поезд через два часа. Домой уезжаю, — ответила Нина.

— Так пошли вместе в Храм. Сейчас святую икону вносить будут, из самого Афона привезли. Разве не знаешь?

Нина в недоумении остановилась, переводя дух. В бога она, конечно, верила, но не была истой христианкой. В церковь ходила очень редко, только когда не было службы. Ей больше нравилось побыть там одной в тишине, обратиться к Всевышнему один на один. И сама мысль о том, что возле Храма теперь, возможно, огромное скопище людей, сбила ее с пути. Однако женщина крепко взяла ее за руку и настойчиво повторила свою просьбу:

— Идем. Идем. Такое чудо можно увидеть один раз в жизни.

Они поднялись по крутой лестнице на Горку. И вдруг перед ней действительно открылось чудо. С другой стороны, где дорога круто поднималась к Храму с центральной площади, из-за плотных рядов голов прихожан, прямо перед ней стал, как из-под земли, вырастать образ Богородицы в богатом золотом окладе. Пресвятая Дева Мария, воздев к небу руки, оберегала ими образ Христа не младенца, а юноши. И вот уже

чудо-икона на несложной конструкции из шестов во весь двухметровый рост возвысилась над ликующей толпой во всей красе, в окружении каких-то хоругвей в руках многочисленных священников.

Нина совершенно не понимала, что происходит вокруг. Толпа верующих ринулась к святому образу, установленному на специально построенный постамент, подхватила, увлекла ее за собой.

— Голову покрой. Покрой голову, — шепнула женщина, вложив в ее руку какой-то шарфик. — Подойди к иконе, приложись губами, проси милости. Любое желание исполнит, исцелит. Проси!

Женщина подталкивала ее впереди себя. Нина подошла совсем вплотную к образу. Торжественной благодатью взвился под облака колокольный перезвон. И неземной любовью озарил ее свет, исходящий от Богородицы. И Нина заплакала, светло и легко, приложилась губами к иконе и тихо подумала: «Прости его, Господи, прости раба твоего, Валерия».

А женщина уже решительно выводила ее из толпы:

— Сходи в лавку, там продают фотографии святой иконы. Будешь дома молиться, всегда с помощью божьей жить будешь. И мне тоже купи.

Нина выстояла длинную очередь, купила два образка по двадцать рублей каждый, один вручила женщине и не успела опомниться, как той и след простыл. Была ли женщина на самом деле живым человеком, или только привиделась? В Храм внесли чудо-икону и

начался молебен, но все желающие вместиться туда не могли. Нина еще немного постояла, раздала какую-то мелочь нищим и медленно побрела прочь.

На поезд чуть было не опоздала. Выбиваясь из последних сил, она неслась бегом по перрону к своему вагону, волоча за собой тяжелый чемодан, у которого в разгар «марафона», отлетело одно колесо. Состав тронулся, а она все еще стояла в тамбуре, не в силах отдышаться. А в висках все пульсировал колокольный звон. А в душе все разливался благодатный огонь любви.

Вот и остались позади последние улочки города детства. Мелькнули за пыльным окном последние дома. Как изменилось все вокруг! Нет, все-таки города чем-то похожи на людей. Если человек любим, он расцветает, молодеет, хорошеет на глазах! Если люди любят свой город, он никогда не стареет, он всегда молод, красив, чист и добр! И когда настает пора возвращаться, к городу ли своего детства, к родным ли людям, ты видишь, как любовь твоя согревает их и делает прекрасными. Как же правильно говорила Люся! Как же права она была! Главное — это вовремя вернуться и простить!

Нина ехала домой в Питер, твердо зная, что простила и теперь душа отца не будет метаться. Она достала из сумочки образок, приложилась к нему губами и еще не могла знать, что именно в эту минуту сердце отца перестало биться, а душа готовилась предстать...

